

Барынкин П.П. (Самара)

СЕВЕРНЫЙ ПРИКАСПИЙ В ПЕРИОД ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Интерес исследователей к ареалу степной Волги, актуализированный интенсивными исследованиями курганных могильников эпохи бронзы в 50-х гг. XX в., к концу века расширился результатами исследований в регионе погребальных и бытовых памятников предшествующих эпохе возведения курганов. Эти исследования сделали возможными первые попытки определения характеристик процессов широкого культурно-хронологического спектра. Впервые в регионе были выделены культурно-типологические признаки неолита – энеолита, а также содержание и направления культурных связей в степном Поволжье и за его пределами. В этом отношении исследования, проведенные в южной части степной Волги, и, особенно, открытие в пределах Прикаспийской низменности бытовых памятников неолита-энеолита сделали возможным конкретизацию проблем, имеющих длительную историографическую традицию, а также постановку новых. Памятники Северного Прикаспия в этом процессе представляют особое значение. Исследования стоянок широкого хронологического диапазона от мезолита до ранней бронзы, проведенные в 80-е гг., начатые инициативой И.Б.Васильева и под его руководством в 1981 г. на сравнительно небольшой территории, выявили одну из самых ярких культурных характеристик региона в период раннего и среднего голоцена, определенную региональными природно-географическими факторами, его высокую степень насыщенности бытовыми памятниками.

В Прикаспийской низменности, в ее исследованной центральной части, заключенной между Волгой и Уралом, в основном содержании природных процессов голоцена, а именно, разворачивании широтной зональности, ярко проявились региональные черты своеобразия. В истории природы Прикаспийской низменности этот период имеет несколько характерных признаков, значение которых обусловило характер заселения и обитания в регионе человека. Среди таких специфических характеристик региона, во-первых, достаточно позднее установление здесь континентального режима, что произошло в позднем плейстоцене после отступления вод Каспия, во-вторых, непостоянство региональных климатических условий, их колебания описываются широкой амплитудой на протяжении голоцена. При этом условия формирования местных ландшафтов определялись соотношением интенсивных эоловых процессов и колебаниями увлажненности. Начало голоцена в низменных равнинах Северного Прикаспия отмечают отложения пресноводных водоемов, параллельно которым развивались эоловые процессы различной интенсивности (Лаврушин и др., 1998). Особенности заселения и обитания населения в низменности на протяжении раннего и среднего голоцена коррелируются с амплитудой ландшафтно-климатических колебаний - в период раннего и среднего голоцена выделяются как более, так и менее благоприятные периоды для жизнедеятельности человека. Эти особенности определяют возможность характеристик регионального культурно-хозяйственного комплекса в целом и его динамики на протяжении этого периода. Состояние исследования бытовых памятников в Северном Прикаспии

позволяет выделить различные культурно-хронологические материальные комплексы и решать вопросы их соотношения с культурными образованиями смежных территорий Волги и Дона.

Энеолитическая эпоха в Северном Прикаспии отражена двумя культурными типами: хвалынская культура, представленная культурными горизонтами стоянок и местонахождениями, культурный тип “воротничковой” керамики, представленный местонахождениями. На исследованных стоянках хвалынской культуры мощность культурных отложений достигает 1,0 м. Керамика стоянок представлена сосудами горшковидной формы с округло-коническими днищами и характерными утолщениями различной формы на венчиках. Орнаментация сосудов состоит из горизонтальных зон, выполненных комбинацией прочерченных линий и оттисками различных штампов, в том числе, зубчатого, в качестве штампов использовались также раковины аммонита и кардиума. Большой своей частью керамика из памятников Северного Прикаспия находит исчерпывающие аналоги, в первую очередь, в Хвалынском I и II могильниках и в бытовых комплексах памятников хвалынской культуры из Самарского Заволжья. По этому ареалу керамические наборы их бытовых и погребальных комплексов образованы сосудами двух разновидностей. Первая представлена сосудами с широкими туловами, округло-коническими днищами и выделенными массивными утолщениями на венчиках. Эти сосуды во всех хвалынских комплексах степной Волги численно преобладают, образуя их основу (рис.1, 1, 2, 4, 5). Вторая разновидность сосудов комплексов хвалынских памятников этой же территории, включая самые северные стоянки самарской группы, составлена численно небольшими, но стабильными сериями горшков близкой формы тулова, но с иной профилировкой верхней части, а именно, уплощенным и отведенным наружу краем. Они, как правило, орнаментированы композициями из прочерченных линий. Эта разновидность посуды отражает связи хвалынского культурного массива с населением сопредельных с юго-запада территорий, где эти формы известны в погребальных и бытовых памятниках (рис.1; 3, 6–9)

Набор изделий из камня в памятниках хвалынской культуры характеризуется сочетанием в орудийном наборе микро- и макропластинчатой техники; широким использованием техники двусторонней обработки, а также немногочисленными, но стабильными сериями микролитических и геометрических форм. В качестве сырья для изготовления орудий использовался кремний и кварцит. Пластины в коллекциях памятников составляют от 28,5 до 47%, из них пластины с ретушью - от 6 до 14%, что определяет их ведущую роль в комплексах изделий с вторичной обработкой. Пластины без вторичной обработки в коллекциях представлены изделиями с правильной параллельной огранкой, в основной своей части их ширина варьируется от 0,5 до 3 см, иногда более. Отмечается отчетливая зависимость параметров пластин и сырья, в крайних значениях наблюдается относительная дифференциация: пластины из кремня, имеющие ретушь и без не, преобладают в узкой части спектров значений, пластины из кварцита в широкой, при их совмещении в средней. Объяснение этого положения, вероятно, связано с различиями в технологических характеристиках исходного сырья. Изделия с вторичной обработкой в этих комплексах составляют от 23 до 29%. Для изготовления всех орудий, исключая скребки, использовались

пластины шириной от 0,7 до 2,0 см. Скребки, следующий после пластин с ретушью, наиболее массовый тип изделий в коллекциях памятников с вторичной обработкой. Заготовками для них служили пластины, отщепы и различные сколы.

Связь хвалынских и местных неолитических комплексов ограничена самой общей и при этом единственной ориентацией техники раскалывания на получение пластин. При этом неолитический стандарт ширины пластины более узкий, нежели энеолитический. С наборами каменных изделий местных памятников позднего неолита (тентек-сорского типа) связи хвалынских комплексов очень ограничены. Существенная черта комплексов энеолитических памятников - ввод в обработку кварцита - имеет параллель в местных позднеэнеолитических тентек-сорских памятниках, в которых, в отличие от предшествующих им каиришакских, также отмечается использование кварцита в качестве сырья. Различия керамических комплексов и каменных индустрий неолитических и энеолитических хвалынских памятников, отражая культурно-хозяйственные характеристики носителей нео-энеолитических культур Северного Прикаспия, отражает отсутствие генетических связей между ними.

Стоянка хвалынской культуры Комбак-тэ имеет значения даты по C^{14} 6000 ± 150 л.н. (ГИН-6226), ее совпадение со значениями серий дат I и II Хвалынских могильников определяет ее как максимально корректную. Проблема соотношения позднеэнеолитического тентек-сорского и хвалынского типа определяется корреляцией значений дат по C^{14} , которая для стоянки Тентек-сор составляет - 5500 ± 150 л.н. (ГИН-6177), и аналогичными спорово-пыльцевыми спектрами их культурных горизонтов. В соответствии с этими данными отложение культурных слоев этих памятников происходит в рамках одного регионального плювиала. Следует заметить, что в нынешнем состоянии источники по этим культурным комплексам в Северном Прикаспии не содержат прямых данных о сосуществовании их носителей. Однако об их синхронности также свидетельствует ритуализированное местонахождение медного предмета в неолитическом горизонте 2-А Варфоломеевки. В этом же горизонте, в отличие от предшествующих, отмечаются изменения в традиции оформления венчиков - на них появляются утолщения, в том числе в виде "воротничков". В верхнем третьем горизонте этого памятника появляется уже собственно "воротничковая" керамика как устойчивое сочетание уплощенного "воротничка" и зубчато-прочерченной орнаментации, образующей фигуры на тулове. Эта посуда имеет распространение по всему степному Заволжью, включая Самарское (Юдин, 1998. С.92-97).

"Воротничковый" тип определяет сложность проблематики соотношения неолитических и энеолитических комплексов региона. По всей территории в Волго-Уральском междуречье от Каспия (рис.2, 4; 3, 1-9) до Самарской Луки этот тип представлен малочисленными комплексами, составленными единичными сосудами, и такими же малочисленными наборами каменных изделий, которые ограничиваются набором пластин и концевых скребков. Малочисленность этих комплексов отражает общие условия их формирования и, вероятно, определена особенностями самостоятельного хозяйственно-бытового уклада оставившего их населения, отличающегося как от неолитического, так и от хвалынского. Сложность вопросов также усложняется устойчивыми репрезен-

тативными особенностями бытовых памятников, в которых содержится “воротничковая” керамика. По всему ареалу отмечено отражение контактов “воротничкового” комплекса с хвалынским (рис.1–3), а в Самарском Заволжье свидетельство взаимодействия носителей “воротничкового” комплекса и местного неолитического имеет яркое отражение в сочетании керамических типов Съезженского могильника.

Хронологическая характеристика “воротничкового” комплекса в историографии определялась его синхронностью мариупольским могильникам Поднепровья, с которыми волжские памятники объединялись в культурную общность (Васильев, Матвеева, 1979. С.165). Для уточнения хронологического положения “воротничкового” комплекса, кроме случаев смыкания типологических признаков, свидетельствующих о сосуществовании и взаимодействии носителей “воротничкового” и хвалынского типов, возможности определения хронологии заметно расширяют появившиеся в последние годы данные по С¹⁴ из памятников Доно-Волжского региона. Слой 2 поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону, мощность которого составляет до 0,5 м, содержит “воротничковую” посуду и имеет дату 5290±260 л.н. (ЛЕ-5327), 4830±90 л.н. (ЛЕ-5387) (Белановская, 2000. С.7–8). Идентично значение серии дат по С¹⁴, приводимых А.И.Юдиным для слоя 2-А стоянки Варфоломеевка из Саратовского Заволжья, составляющее в традиционном некалиброванном значении 5270±50 л.н. (КИ-3890) и 5360±60 л.н. (КИ-3595) (Юдин, 1998. С.97), а также значения не опубликованных ранее дат для этого же слоя 5430±60 л.н. (КИ-3589) и 5220±50 л.н. (КИ-3596). Корректное соотношение этих значений с датой из предшествующего слоя того же памятника 2-Б 5790±90 л.н. (ГИН-6554), а также наличие собственно “воротничковой” посуды как устойчивого сочетания “воротничка” с зубчато-прочерченной орнаментацией в отложениях слоя 1, необходимо рассматривать как дополнительное свидетельство о принадлежности “воротничковых” комплексов региона именно к этому временному интервалу.

Таким образом, содержание этого периода в степном Поволжье от побережья Каспия до Самарской Луки, определяется четырьмя самостоятельными культурными компонентами на севере и на юге территории. Тентек-сорский на юге и средневожский тип (I тип Съезженского могильника) (Васильев, Матвеева, 1979. С.154) на севере ареала представляют неолитические локальные культуры самостоятельного генезиса. Два типа, не связанных с ними генетически, но имеющие сильные взаимные связи, представлены “энеолитическими” культурами по всему ареалу. Вероятно, такая характеристика региональных культурных процессов в своей основе связана с факторами двух различных групп - культурными и природными. Культурные факторы этого периода проявляются в принципиальных изменениях процессов культурной динамики, в основе которых усиление интенсивности межкультурных обменов на широких территориях, включающих различные ландшафты. Значение природной группы определяется оптимизацией ландшафтно-климатических условий по всему степному региону (Спиридонова, Алшинская, 1999. С.24, 28), что увеличило в этот период демографическую емкость ландшафтов. Это обусловило возможности бытования традиционных для этой территории групп и их сосуществование, при отчетливом различии их культурно-хозяйственных укладов в течение достаточно продолжительного периода.

Перемены особенно заметны при сравнении хозяйственных признаков, отражающих особенности использования территории этого периода с более ранним, рамки которого охватывают мезолит – средний неолит. Низменность и прилегающие к ней районы в этот период представляют особую, вполне самостоятельную страну, на территории которой сформировался тип хозяйства, основанный на промысле кулана. Гибкость адаптивного механизма охотников мезолита-неолита позволила им переживать последствия неблагоприятных природных изменений, вызванных усилением аридизации, в интервал между отложением слоев среднего (каиршакского) и позднего (тентек-сорского) неолита, на периферии низменности, вдоль е северного борта, что документируется материалами Варфоломеевки (Барынкин, Козин, 1998. С.71). Принципиальные изменения в региональном хозяйственном комплексе, связанные с энеолитическими комплексами, проявляются в первую очередь, как выход за пределы ландшафтных границ. Пространственное распространение энеолитических групп охватывает территорию от Каспия до Самарской Луки, объединяя несколько различных палеоландшафтов.

В отличие от неолитических стоянок, в остеологических комплексах которых представлены только дикие виды, в энеолитическом хвалынском комплексе появляются кости овцы. Эти перемены позволяют характеризовать этот комплекс как скотоводческий. Необходимо также отметить очень важные изменения в использовании региональных ресурсов диких животных. В хвалынских памятниках, по сравнению с неолитическими, в том числе ранними, заметно изменяется видовое соотношение животных. В отличие от неолитических комплексов, в которых доминирует кулан, в комплексах памятников хвалынской культуры при сокращении костей кулана (до 26%) первое место принадлежит сайге (до 70%) и овце (до 40%). Кости крупного быка на хвалынских стоянках, как и в тентек-сорских позднеэнеолитических памятниках, составляют небольшую, но стабильную часть (до 14%). Эти новации в региональном хозяйственном комплексе отражаются также остеологическими комплексами верхних горизонтов Варфоломеевки, где в традиционном для прикаспийского неолита наборе животных, представленном куланом, лошастью и сайгой, единично появляются кости овцы при доминировании костей кулана в 2 и 1 культурных горизонтах памятника (данные определений И.Е.Кузьминой). Таким образом, остеологические комплексы южной и северной частей низменности, очевидно, отражают взаимодействие носителей местной традиционной (неолитической) и энеолитической культуры, с которой связан новый культурно-хозяйственный уклад. Северный Прикаспий в это время включается в более широкую культурную территорию доно-волжской степи за пределами естественных ландшафтных границ Прикаспийской низменности, когда они определяли пределы использования культурно-хозяйственной территории, и ее превращение в часть более крупной территории, включающей в себя все степное Поволжье и степной Дон. В основе этих изменений усиление межкультурных связей, которые в это время объединили волго-донской ареал с Кавказом, Поднепровьем и Северо-Восточным Прикаспием.

Важно отметить, что включение территории Северного Прикаспия и Прикаспийской низменности в целом, в более крупную культурную территорию, происходит на фоне оптимализации климатических условий в этот период го-

лоцена по всей степной зоне. Период отложения слоев энеолитических стоянок и появление в регионе новых культурно-хозяйственных характеристик отмечается установлением условий местного плювиала, а в культурном отношении отчетливо маркируется появлением комплексов хвалынского типа. Региональные природные условия, установившиеся по завершению периода отложения слоев хвалынских стоянок, данными спорово-пыльцевых исследований характеризуются как усиление аридизации. Эти же данные характеризуют этот аридный интервал как достаточно продолжительный, что актуализирует проблему соотношения культур энеолита и ранней бронзы в степном Поволжье и, шире, в доно-волжском регионе.

Ранняя бронза в Северном Прикаспии также как энеолит представлена стоянками, имеющими развитые культурные горизонты, достигающими мощности до 0,9 м. Исследованы три стоянки с культурными горизонтами *in situ*. Они содержат керамические комплексы, в которых преобладают сосуды, характерные для погребальных и бытовых памятников этого периода степной части Волги и Дона, и отражают широко распространенный общеямный тип посуды, т.е. сосуды с яйцевидными туловами и округло-коническими днищами. Тип профилирования и оформления венчика делит сосуды всех стоянок на две разновидности. Сосуды первой разновидности имеют вертикальные венчики, отделенные от тулова стянутой шейкой-переходом. Вторая разновидность представлена сосудами прикрытой формы без выраженного отдельного оформления венчиков. Сосуды первой разновидности в литературе выделены в отдельный репинскохуторский тип, по названию памятника на Дону, с предполагаемой приоритетной хронологической характеристикой в ряду ямных древностей степей Юго-Восточной Европы. Репинскохуторские, т.е. сосуды с вертикальными высокими, часто желобчатыми венчиками, отделенными от тулова стянутыми шейками, и сосуды без такого приема оформления верхней части в комплексах стоянок ранней бронзы из Северного Прикаспия объединены массой переходных вариаций. Представляется, что этой связью отчетливо выраженных разновидностей профилирования определена ограниченность предположения о хронологическом приоритете репинскохуторской керамики не только для степного Заволжья, но и для доно-волжского региона в целом. Эти особенности типологического состава керамических комплексов ранней бронзы Северного Прикаспия демонстрируют основное условие сложения комплексов стоянок, а именно, высокую степень активности взаимодействия территориально-ландшафтных групп ямной культуры Волги и Дона. Датирование североприкаспийских памятников ранней бронзы по C^{14} определяется следующими значениями дат: 3820 ± 28 л.н. (УПИ-428), 4107 ± 201 л.н. (УПИ-557), аналогичных значениям дат из курганных ямных погребений Волгоградского Правобережья (Шилов, 1985. С.144).

По сравнению с предшествующим энеолитическим периодом бытования населения региона период функционирования ямных стоянок в Северном Прикаспии по данным спорово-пыльцевых исследований характеризуется как более благоприятный, приближающийся к современным северостепным ландшафтам. Согласно этим же данным, комплексы раннебронзового времени связываются общими ландшафтно-климатическими условиями с последующим культурно-хронологическим комплексом региона, катакомбно-полтавкинским. На

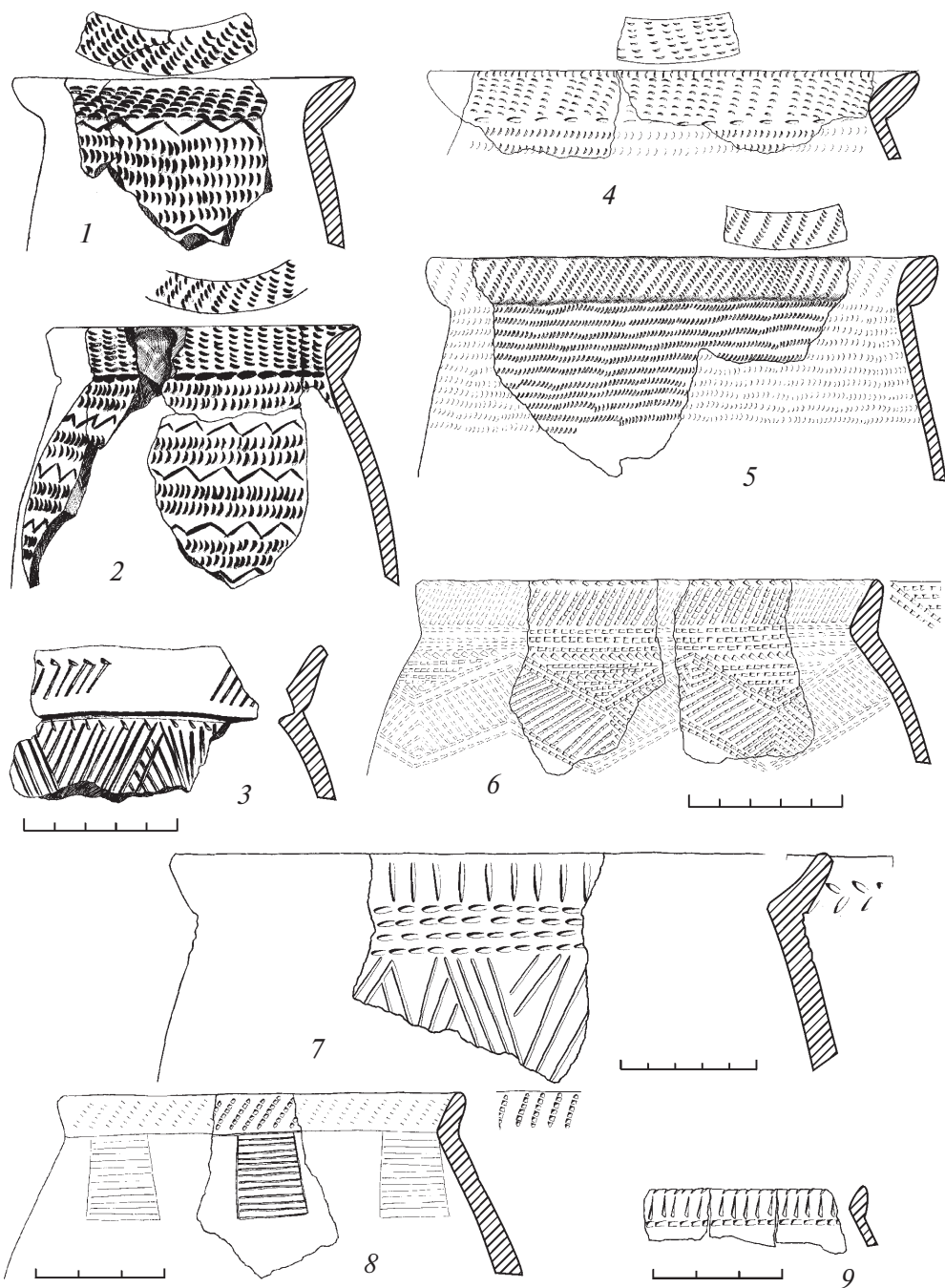

Рис.1.Керамика хвалынских памятников Северного Прикаспия.

1–3 - стоянка Кара-худук; 4–6, 8, 9 – стоянка Каир-шак VI; 7 – стоянка Комбак-тэ.

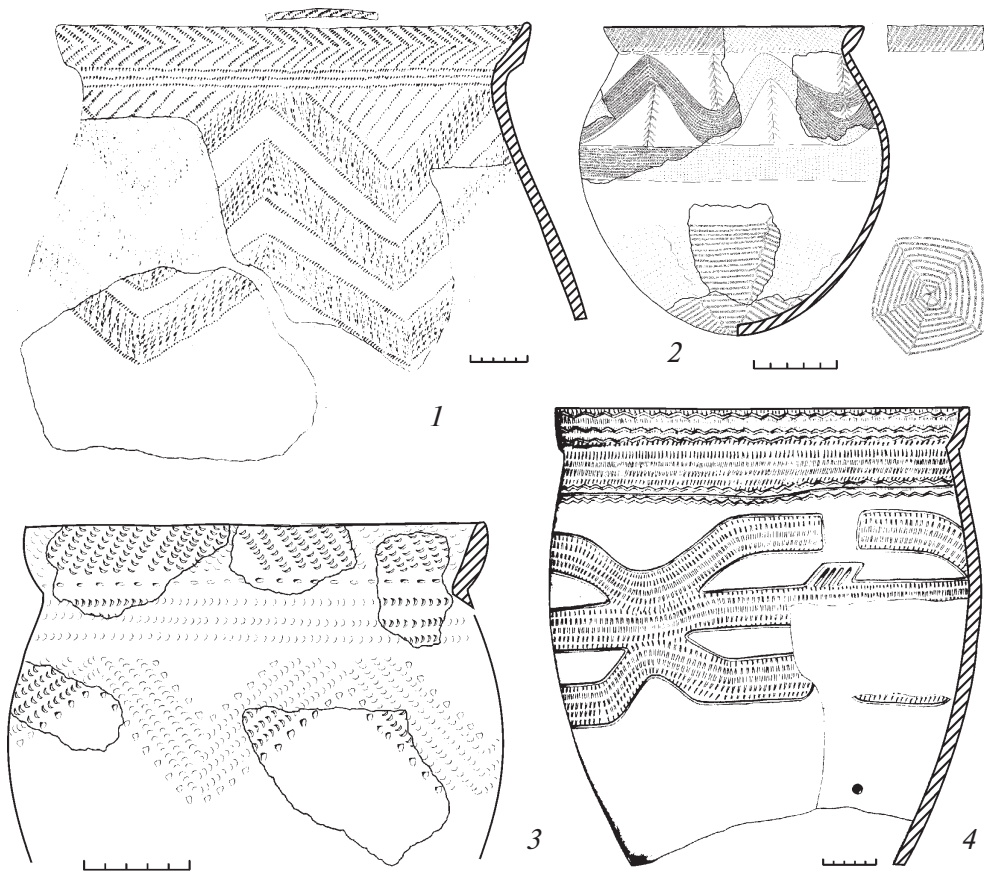

Рис.2. Керамика с признаками хвалынской и «воротничковой» из Северного Прикаспия (1, 3, 4) и Самарского Заволжья (2).

1 – местонахождение Жол-тюбе; 2 – стоянка Большая Раковка II; 3 - стоянка Курпеже–молла, 4 - «воротничковый» сосуд стоянки Курпеже-молла.

двух стоянках Северного Прикаспия катакомбно-полтавкинская керамика отчетливо отделялась от раннебронзового комплекса планиграфически и в стратиграфии располагались над ним.

Отчетливые типологические различия керамических комплексов хвалынской и ямной культур давно расценивается в литературе как отражение их различного хронологического положения. Это предположение Н.Я.Мерперта, высказанное в 1968 г. (Мерперт, 1974. С.59), подтверждено данными погребальных памятников из Волгоградского Правобережья (Шилов, 1985. С.144), а теперь и бытовыми памятниками Северного Прикаспия. Различная культурная принадлежность прикаспийских энеолитических и раннебронзовых памятников не позволяет рассматривать их в едином генетическом плане, а свидетельствует о перерыве культурного развития в степном Поволжье в период энеолита-ранней бронзы. Подтверждают это соотношение хвалынских и ямных комплексов соот-

ношение значений дат по C^{14} и данные спорово-пыльцевых анализов, которые отражают самостоятельность генетической характеристики ландшафта в энеолите и ранней бронзе и наличие существенного аридного интервала между ними. На менее аридной территории Нижнего Дона значительную временную продолжительность этого периода отражает толща слоев 5–7 стоянки Раздорская, отделяющая горизонты энеолитических комплексов от слоя 8, содержащего ямный комплекс (Кияшко, 1987, С.76). Таким образом, возможность постановки вопроса о преемственности культур энеолита и ранней бронзы нуждается в дополнительной коррекции, которая должна учитывать эти свидетельства.

Очевидные культурные различия материальных наборов энеолита и ранней бронзы констатируются исследователями, но при этом близость части признаков погребального обряда хвалынской и ямной культур рассматривается в качестве свидетельства преемственности между ними. Следует отметить, что близость погребального обряда, постулируемая общими посылками территориально-хронологического характера, в постановке традиционной проблемы связи погребального обряда и материально-типологических серий, применительно к хвалынским и ямным памятникам, противоречит их различной культурно-хронологической принадлежности, и, поэтому, перспективу этой проблемы не определяют. Сходство возможно большей части признаков, и, в любом случае, самых ярких, в погребальном обряде ямной и хвалынской культур значения решающего аргумента также иметь не может. Такая постановка нуждается в дополнительных наблюдениях и свидетельствах более узкого значения, аналогичного тем различиям характеристик хвалынского и ямного материальных комплексов, которые не позволяют объединять их в одну культуру. Приведенный в качестве свидетельства преемственности комплекс Крепинский I могильник, курган 1, погребении 8, где скорченный на левом боку костяк сопровождался керамической формой позднебережновского облика (по А.Н.Гею) (Гей, 1999. С.42-43), противоречит его типологическим признакам. Его “поверхность украшена девятью горизонтальными рядами оттисков лопаточки, на тулове они разделены тремя горизонтальными прочерченными линиями” (Лагоцкий, 1972. С.5). Соответственно по орнаментальным признакам этот сосуд находит исчерпывающие аналогии в ямных комплексах, в том числе, и на стоянках Северного Прикаспия¹. И, напротив, по тем же признакам, по отдельности и их в совокупности, этот сосуд не сближается с керамическими сериями хвалынских памятников Поволжья.

Имеющиеся сейчас достаточно отчетливые свидетельства о различиях хронологических позиций хвалынского и ямного комплексов и существенный перерыв между ними, делает необходимым постановку этой проблемы в очень широких исходных условиях, учитывающих территориальные особенности волгодонского ареала, включившегося в этот период в связи с сопредельными культурными ареалами, что, в том числе, влечет необходимость рассмотрения различий генезиса погребального обряда со схожими признаками.

---

¹ Горизонтальные линии оттисков, угловых, прямоугольных - одна из самых распространенных техник орнаментации керамики ямных стоянок Северного Прикаспия (Барынкин, Васильев, Выборнов, 1998; Барынкин, 1986. С.86. Рис.6. С.91. Рис.10).

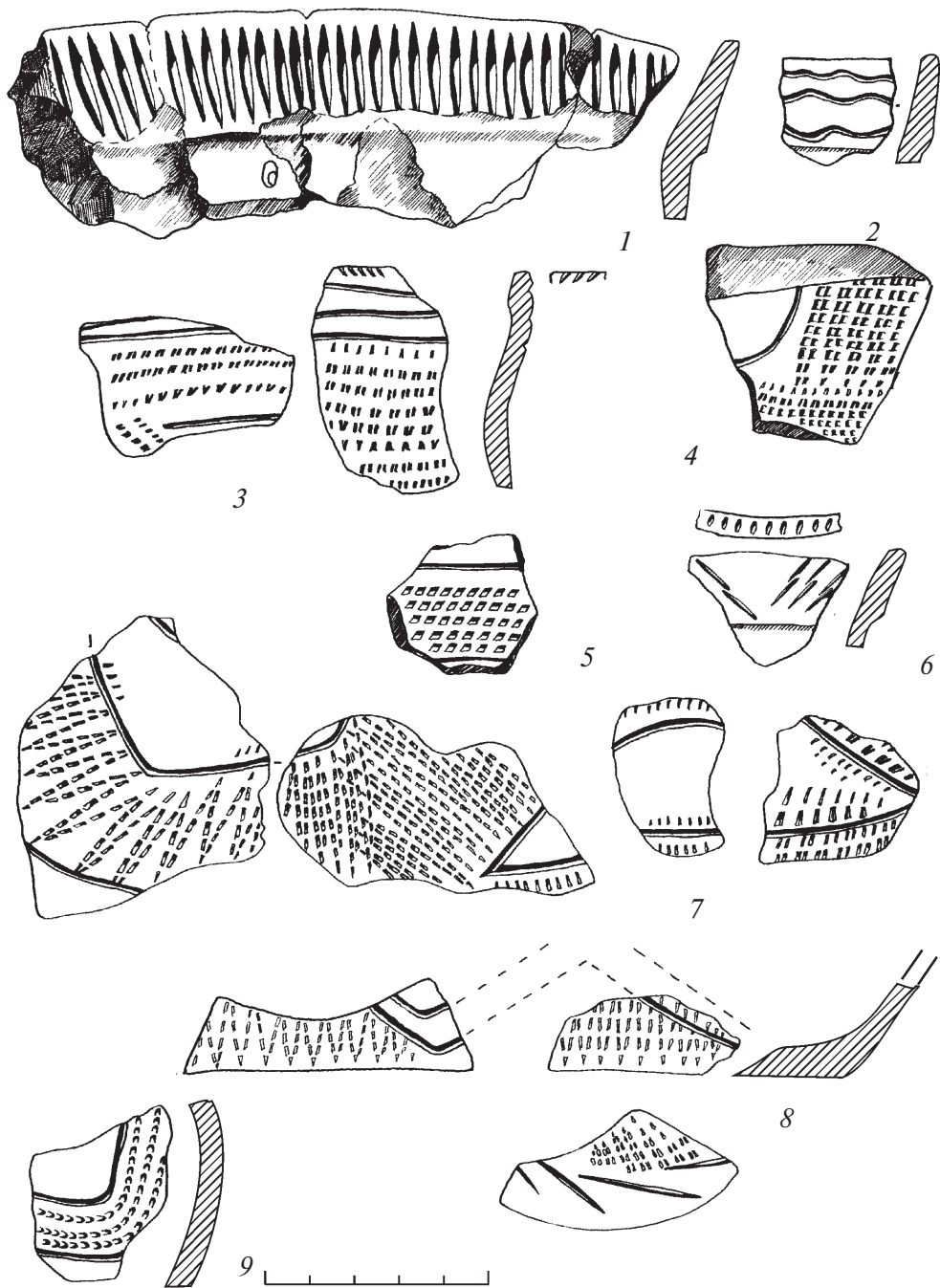
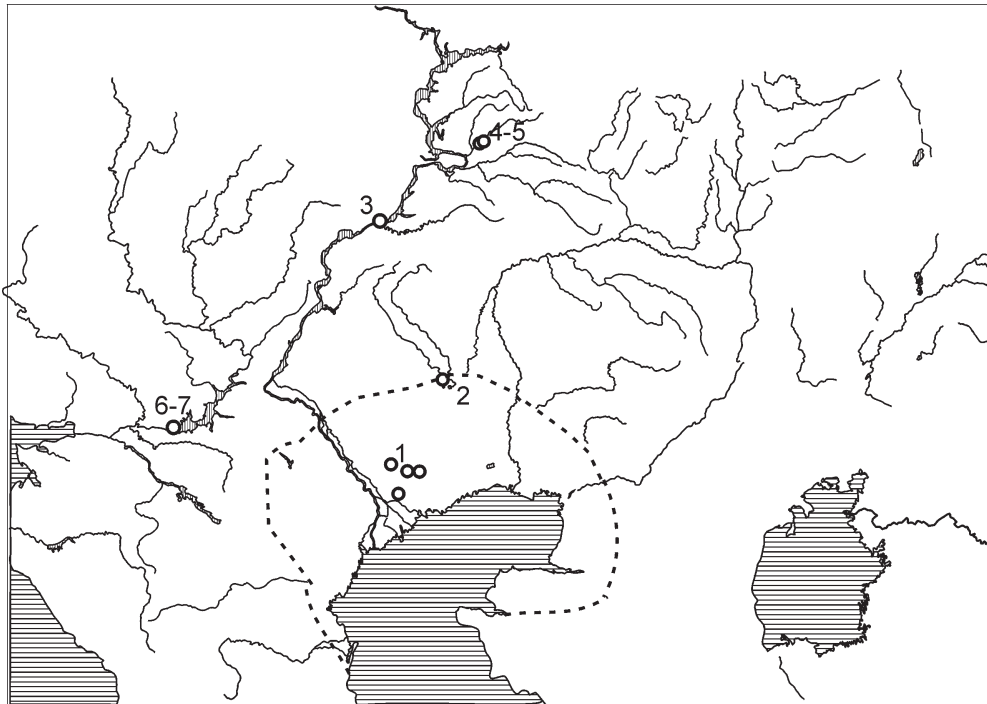

Рис.3. Стоянка Курпеже-молла. «Воротничковый» комплекс стоянки Курпеже-молла.

Необходимость такой постановки определяется значительностью перерыва, отделяющего энеолитические памятники от раннебронзовых и масштабами аридизации, условия которой установились в этот период. Они характеризуют экологический кризис регионального культурно-хозяйственного уклада энеолита в степном Поволжье и, как его следствие, сокращение популяции. Одним из следствий сокращения численности населения следует предполагать обеднение прежнего культурного набора из-за невозможности поддерживать его в прежнем многообразии. Именно сильной “разреженностью” массива культурных признаков объяснимы затруднения в археологическом отражении переходных форм. Отсутствие такой возможности подтверждает правило о некорректности применения одних подходов к “разреженным” и “насыщенным” массивам, т.к. последние отражают устойчивые культурные образования, характеризующиеся стабильными внутренними и внешними связями.

Интересно сравнение этой ситуации с близким ей по типу усилением региональной аридизации, но, возможно, меньшим по масштабу, в период среднего-позднего неолита. Тогда эти процессы не привели к прекращению культурных процессов традиционной культуры и носители местной неолитической культуры сумели пережить неблагоприятные условия южной части низменности на ее северной периферии в условиях продолжающейся культурной эволюции. Эти различия отражают совершенно очевидное значение территориальных факторов, отразившиеся в увеличении вовлечения во взаимодействие групп широких территорий большей, нежели площадь Прикаспийской низменности. Таким образом, в постановке проблемы преемственности культур энеолита и ранней бронзы определяющее условие имеет учет территориального масштаба ямного культуриногенеза. Представляется неслучайным, что подключение северокаспийского региона к обширной территории ямного культуриногенеза происходит в условиях регионального периода оптимализации в степном Поволжье в целом, наиболее ярко проявившегося в южной части Волго-Уральского междуречья. Обширная площадь Волго-Уральского региона и его возросшая демографическая емкость в этот период определяет значимость памятников ямного типа степного Поволжья, отраженной в историографической традиции, которая определяет их значение в общей культурной территории хронологическим и генетическим приоритетом. Также в историографии соотношение территориально-культурных факторов периода ранней бронзы нашло свое отражение в концепции культурно-исторических областей, впервые успешно примененной к ямным памятникам Н.Я.Мерпертом (Гей, 1999. С.39).

Изложенное позволяет дополнить существующие подходы к проблеме палеогеографических условий, имеющими свою логику и познавательную перспективу. Здесь черты преемственности хвалыньских и ямных характеристик выступают в признаках природно-хозяйственного характера. Напомню, что первое подключение Северного Прикаспия к культурной территории за пределами Прикаспийской низменности происходит в период бытования в Поволжье энеолитических культур: хвалынской и “воротничковой” керамики. Качественно новая черта хозяйственного комплекса энеолита региона - появление скотоводства. Принципиальные изменения механизмов хозяйственно-культурной адаптации населения региона энеолита и ранней бронзы выступают также в видовой переориентации промысла диких животных охотниками энеолита. При-

----- а   ○ - б

а - территория Прикаспийской низменности; б - памятники.

Рис.4. Территориальное расположение памятников неолита–энеолита.

1 – прикаспийская группа стоянок (хвалынская культура); 2 – стоянка Варфоломеевка; 3 – Хвалынские I и II могильники; 4–5 - стоянки Большая Раковка II и Лебяжинка I; 6–7 - Раздорское, Ракушечный Яр.

оритет костей сайги в остеологических наборах хвалынской культуры коррелируется с другими яркими признаками остеологических комплексов, появлением в них костей крупной, отличной от кулана, лошади и крупной коровы. Решение вопросов об их отношении к доместигированному комплексу затруднено сильной связью этих видов с естественным местным биофоном (Кузьмина, 1988. С.178, 180). Эти данные отражают глубокие изменения местных ландшафтов и способов использования их ресурсов, сравнительно с теми же характеристиками региона периода "мезолит - неолит". Появление овцы в энеолитических комплексах коррелируется с наличием в тех же комплексах культурных индикаторов связей с южными территориями, связанными с центрами приоритетного становления производящего хозяйства и исходными районами появления овцы в степной части Юго-Восточной Европы. Эти связи отмечаются по двум основным направлениям: юго-западное - с Северным Кавказом и юго-восточное - с Восточным Прикаспием.

Следующее включение Северного Прикаспия в обширную территорию культурных процессов, происходивших в период ранней бронзы, при схожести некоторых признаков имеет свои особенности. Основным объектом охоты этого периода, также как в энеолите, является сайга, для которой отмечается укрупнение размеров, что для ранней бронзы связывается с более высокой степенью оптимализации климата региона в этот период по сравнению с энеолитом (Кузьмина, 1988. С.182). Это коррелируется с увеличением увлажненности климатических условий Волго-Уральского региона в целом, в отличие от более северных территорий вплоть до Самарской Луки, где культура этого типа представлена подкурганскими погребальными комплексами. В Северном Прикаспии в этот период формируются бытовые памятники, что определяет южную часть Волго-Уральского междуречья как часть территории максимальной интенсивности культурно-демографических процессов в обществе носителей ямной культуры.

Таким образом, в течение периода позднего неолита – ранней бронзы Северный Прикаспий выступает в качестве индикатора культурно-хозяйственных и ландшафтно-климатических изменений широких территорий. В период позднего неолита – энеолита на его территории появляются общий для Поволжья хвалынский и связанный с ним “воротничковый” культурные типы. Бытование в регионе носителей этих типов – основное содержание этого периода в условиях регионального атлантического оптимума. Следующий период по природно-климатическим условиям характеризуется как аридный. Он заметно сократил возможности обитания населения в регионе, о чем свидетельствует содержание интервала между периодами отложения стоянок хвалынской и ямной культур, а именно, отсутствие в североприкаспийском регионе комплексов, которые определяют этот период на западе волго-донского ареала и на его северо-востоке. В районах к северу от Прикаспийской низменности, менее чувствительных к колебаниям увлажненности, нежели супесчаная часть Волго-Уральского междуречья, в это время бытуют комплексы типа Пшеничное (Юдин, 1989). Некоторой частью ему соответствует керамический набор находящейся в этом же регионе стоянки Кумыска. Комплексы этих памятников степного Заволжья типологически соответствуют комплексам 6 и 7 слоев стоянки Раздорская степного Дона (Кияшко, 1987. С.76). Вероятно, в этот аридный период культурный ареал сокращается за счет выпадения из него Северного Прикаспия. Следующее подключение Северного Прикаспия к доно-волжскому ареалу происходит в период бытования ямной культуры ранней бронзы, когда регион входит в культурную территорию, также как и в предыдущее включение, как ее органичная часть.

Регион образует юго-восточный угол степного треугольника, который своими сторонами очерчивает центральную часть территории максимальной интенсивности культурных процессов в периоды оптимализации ландшафтно-климатических условий (рис.4). Вершины треугольника располагаются на западе – Нижний Дон и на севере – степное Заволжье. В первый период позднего неолита – энеолита, содержание культурных процессов на всей этой территории характеризуется высокой интенсивностью взаимодействия носителей неоэнеолитических культур, происходивших в благоприятных пловивальных условиях. В последовавший за этим период аридизации Северный Прикаспий, как

наиболее засушливая часть этого пространства, выпадает из треугольника и культурные процессы сравнительно низкой интенсивности поддерживаются на территории вдоль одной, сохранившей свою значимость его стороны - Нижний Дон - Заволжье. Восстановление значения двух остальных сторон - Северный Прикаспий - Нижний Дон и Северный Прикаспий - Заволжье восстанавливается только в раннюю бронзу - в период очередного климатического увлажнения региона.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П.П., 1986. Стоянка Кызыл-хак I - новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1998. Стоянка Кызыл-хак II - памятник ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Белановская Т.Д., 2000. Хронологическая характеристика многослойного поселения времени неолита и энеолита Ракушечный Яр (Нижний Дон) // Хронология неолита Восточной Европы. СПб.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 4.

Гей А.Н., 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // СА. 1.

Кияшко В.Я., 1987. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. 192.

Кузьмина И.Е., 1988. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев. 1988.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Лагоцкий К.С., 1972. Отчет о работе первого Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 5240.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа. // РА. 1.

Шилов В.П., 1985. Курганный могильник Цаца // Древности Калмыкии. Элиста.

Юдин А.И., 1989. Энеолитическое поселение Пшеничное на р.Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Юдин А.И., 1998. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.